

● ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Практичен, удобен, красив, незаметным в будни и праздники трикотаж. Трудно представить себе гардероб современной женщины без трикотажа.

Обновить или пополнить гардероб вам помогут специализированные ателье ремонта и обновления трикотажных изделий.

Джемпер, костюм, платье, свитер, жилет можно заказать из шерстяной, полушерстяной или синтетической пряжи.

Росбытреклама

ОГОНЁК

№ 26

1988

Эльдар РЯЗАНОВ

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 26

Эльдар РЯЗАНОВ

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Эльдар РЯЗАНОВ

За последние двенадцать лет я поставил несколько фильмов — «Ирония судьбы», «Служебный роман», «Гараж», «О бедном гусаре замолвите слово», «Вокзал для двоих», «Жестокий романс», «Забытая мелодия для флейты», «Дорогая Елена Сергеевна». Я упомянул о них лишь потому, что в этот же период параллельно с многочисленными и разнообразными занятиями и обязанностями существовало что-то вроде внутреннего монолога или, если хотите, стихотворного дневника. В стихах фиксировалось то, что не находило себе места, да и не могло найти, в сценариях и фильмах. Кинематографу подвластно все, он может передавать любые оттенки и нюансы движения человеческой души. Однако кинорежиссер создает произведение с помощью писателя, актеров, оператора, художника, композитора. Любой фильм — своеобразный сплав дарований всех этих индивидуальностей.

Наверное, мучительное желание высказаться о личном, только моем, стремление поделиться чем-то заветным, жажда исповеди и побудили меня к стихотворству. Исповедь, я думаю, — то, к чему властно тяготеет каждый вид искусства. В этом смысле поэзия наиболее интимна. В искренности, правдивости чувств, обнажении тайников души, умении заглянуть в человеческие глубины — наверное, суть поэзии.

Эта книжечка — мой первый сборник стихов. Если читатель покажется, что книжка местами чересчур грустна, то пусть он вспомнит, что жизнерадостные и веселые свойства своей натуры я тратил в это же самое время на создание комедий для кино и театра, и в тех жанрах, очевидно, подрастратил свой смеховой запас. Если читателю покажется, что книжка местами носит чересчур личный характер, то пусть он вспомнит, что гражданские взгляды и общественный темперамент были отданы мной в этот же отрезок времени кинематографу, телевидению, театру, публицистике.

Эльдар Александрович Рязанов — член Союза писателей СССР.

* *
*

В мои годы сердечная лирика?
Ничего нет смешней и опасней.
Лучше с тонкой улыбкой сатирика
сочинять ядовитые басни.
Не давать над собой насмехаться,
тайники схоронить в неизвестность
и о чувствах своих отмолчаться,
понимая всю их неуместность...
Иль, вернее сказать, запоздалость,
потому что всему свои даты...
Но идет в наступленье усталость,
и все ближе и горше утраты.

* *
*

Я в мир вбежал легко и без тревоги...
Секундных стрелок ноги, семена,
за мной гнались по жизненной дороге,—
да где там! — не могли догнать меня.

Не уступал минутам длинноногим,—
на равных с ними долго я бежал...
Но сбил ступни о камни и пороги
и фору, что имел, не удержал.

Вокруг летают странные тарелки...
Из прошлого смотрю на них в бреду.
Меня обходят часовые стрелки,—
так тяжело сегодня я иду.

* *
*

Лесная речка вьется средь деревьев...
Там, где мелеет, убыстряет ход.
Река несет печальные потери,
но неизменно движется вперед.

В нее спускают всякие отбросы,
живую душу глушит динамит.
Она лишь плачет и покорно сносит
огромность угнетений и обид.

Петляет, изгибается, виляет,
в препятствие уткнется — обойдет.
Но на реку ничто не повлияет,
она обратно, вспять, не потечет.

Встречая на своем пути плотину,
речушка разливается окрест,
так в правоте своей неукротима,
как будто она Лена или Днестр.

Иные реки катятся в болото,
иные испускают злую вонь...
В живой реке — пленительные ноты,
живой воды живительный огонь...

Опять прокол, падение, осечка...
Растет утрат необратимый счет.
Ты должен быть, как та простая речка,
что знает свое дело и течет.

* *
*

Как хорошо порою заболеть, —
чтоб бег прервать — единственное средство.
Под одеяло теплое залезть
и вспомнить, как болел когда-то в детстве.
Там за окном зима — весь мир замерз...
Пьешь с горькой миной сладкую микстуру
и на тревожный матери вопрос
чуть прибавляешь ты температуру.

Высовываешь белый свой язык,
«а» говоришь, распахивая горло,
и взглядом, отрешенным от живых,
даешь понять, — мол, руки смерть простерла.
Как сладостно себя до слез жалеть,
в мечтах готовить жуткие сюрпризы:
взять и назло всем близким умереть,
чтоб больше не ругали за капризы.
Вообразить — кладут тебя во гроб,
мать вся в слезах, дружки полны смиренья.
И бьет по телу россыпью озноб,
как предвкушенье будущих крушений.
Дней через пять, к несчастью, ты здоров...
Укутали и вывели на солнце,
и ты забыл обиды, докторов...
А мысль о смерти спит на дне колодца.

* *
*

Я не то чтобы тоскую...
Возьму в руки карандаш...
Как сумею, нарисую
скромный, простенький пейзаж:

дождь, летящий снизу в небо,
солнца ярко-черный свет,
на кровавом жарком снеге
твой прозрачный силуэт.

От луны в потоке кружев
льется синенький мотив,
и бездонный смелый ужас
смотрит в белый негатив.

А там дождь, летящий в небо,
траурный и горький свет,
тень огромная на снеге
от того, чего и нет.

* *
*

Меж датами рожденья и кончины
(а перед ними наши имена)
стоит тире, черта, стоит знак «минус»,
а в этом знаке жизнь заключена.

В ту черточку вместились все, что было...
А было все! И все сошло, как снег.
Исчезло, растворилось и погибло,
чем был похож и не похож на всех.

Погибло все мое! И безвозвратно.
Моя любовь, и боль, и маета.
Все это не воротится обратно,
лишь будет между датами черта.

* *
*

На пристани начертано:
«Не приставать, не чалиться!»
А волны ударяются о сваи, о причал...
Когда на сердце ветрено,
то незачем печалиться...
Нам пароход простуженный прощально прокричал.

На волнах мы качаемся
под проливными грозами —
ведь мы с тобой катаемся на лодке надувной.
Зонтом мы укрываемся,
а дождь сечет нас розгами,
и подгоняет лодочку ветрило продувной.

Несет нас мимо пристани,
старинной и заброшенной,
но молчаливо помнящей далекие года,
когда с лихими свистами,
толкаясь по-хорошему,
к ней прижимались белые, холеные суда.

Начертано на пристани:
«Не приставать, не чалиться!»
А, в общем, очень хочется куда-нибудь пристать...
Пусть будет, что предписано,
Пусть будет все нечаянно,
нам вместе так естественно, как свойственно дышать.

Мы в белой будке скроемся,
с тобой от ливня спрячемся...
Асфальт здесь обрывается, здесь прежде был паром.
Нет никого тут, кроме нас...
Дыхание горячее...
И ветер надрывается от счастья за окном.

На пирсе намалевано:
«Не приставать, не чалиться!»
А в будке у паромщика нам, взломщикам, приют.
Здесь дело любовное,
Все кружится, качается...
И к нам, как к этой пристани, пускай не пристают.

ВЕТЕР

Было тихо в белом свете,—
свет был белым от зимы...
Вдруг примчался шалый ветер—
устроитель кутерьмы.
Впереди неслась поэмка
хулиганскою ордой,
а за нею ветер звонкий,
крепкий, смелый, молодой.
Ветер был озорником—
рвался нагло в каждый дом...
Он в лицо плевался колко,
он раздел от снега елки,
молотил метелью в окна
так, что дом стонал и охал.
Ветер был самоуверен—
дул в разнузданной манере.
Он вломился, как налетчик,
оборвал все провода.
В коридоре умер счетчик,
в кране кончилась вода.
Электричества нет в избах,
мы не смотрим телевизор,
мы живем теперь при свечке,
раздуваем жар у печки.
Ветер, груб и неумерен,
выл в разнузданной манере.
Налепил кривых сугробов,

ни проехать, ни пройти,
на нехоженных дорогах—
ни тропинки, ни пути.
Издавая хамский посвист,
скорый ветер отбыл в гости
то ль на север, то ль на юг...
А потом вернулся вдруг!
Мы и охнуть не успели,
снова заскрипели ели.
Ветер продлевал бесчинства
и чинил большие свинства,
сыпал манкою из снега
так, что потемнело небо,
вздыбил саван-покрывало,
буря гикала, плясала,
ветер гадко хохотал...
Наконец и он устал.
Иль дебоша устыдился,—
лег в лесу, уgomонился...
Тихо обо всем подумал.
Взял и на рассвете умер.
Снова тихо в белом свете.
Только жаль, что умер ветер.

* *
*

Как будто вытекла вся кровь,
глаз не открыть — набрякли веки...
Но звать не надо докторов—
усталость это в человеке.

А за окном трухлявый дождь...
И пугало на огороде
разводит руки... Не поймешь,
во мне ль так худо иль в природе.

Тоскуют на ветвях навзрыд
грачами брошенные гнезда...
Но слышен в небе птичий крик:
— Вернемся рано или поздно!

Хочу хандру преодолеть.
Надеюсь, что преодолею.

А ну-ка, смерть! Не смей! Не смей!
Не смей садиться мне на шею.

* *
*

Как тебе я, милый, рад,
Мот, кутила, листопад,
ты — транжира, расточитель,
разбазарил, что имел.
Мой мучитель и учитель,
что ты держишь на уме?

Разноцветные банкноты
тихо по миру летят,
а деревья, как банкроты,
изумленные торчат.
Жизнь — безжалостная штука,
сложенная из утрат...
Ты прощаешься без звука,
друг мой, брат мой, листопад.
Отдаешь родные листья, —
ты — образчик бескорыстья.

Успокой мою натуру,
ибо нет пути назад...
Разноцветные купюры
под ногами шелестят...
Осень любящий бездельник,
я гуляю наугад,
и в садах костры из денег
в небо струйками дымят.
Как тебе я, милый, рад,
листопад мой, друг и брат.

* *
*

На могучей реке, полновластной,
с неустанным течением воды,
жили бакены — белый и красный,
охраняя суда от беды.

Корабли шли и ходко, и смело,
хоть порой и коварна река,
так как бакены — красный и белый —
путь показывали издадека.

Ночь спустилась, сгустилась опасность, —
берегов не видать у реки,
но два бакена — белый и красный —
зажигают огни-маяки.

Их огни одинаково разны,
и, как только пройдет пароход,
подмигнет другу белому красный,
белый красному другу моргнет.

Что с того, что один из них белый,
а другой в красный выкрашен цвет:
половинки единого целого,
в них различия, в сущности, нет.

Оба служат в одном пароходстве,
оба — бакены, оба — равны.
Не ищите, пожалуйста, сходства
с биографией нашей страны.

БЕССОННИЦА

Слышно: шебуршат под полом мыши,
сквозь окно сочится лунный свет...
Плюхнулся на землю с елки снег,
от мороза дом кряхтит и дышит...
Скоро рассветет, а сна как нет.
Извертелся за ночь на подушке,
простыни в жгуты перекрутил,
а потом все вновь перестелил
и лежал недвижный и послушный,
огорчаясь ссорами светил.
Все не спал и видел хаотичный
о себе самом престранный фильм:
я герой в нем, но герой в кавычках...
Нету сил послать к чертям привычки, —
взять и отмочить неожиданный финт.

Вот летаю с кем-то до рассвета...
Вижу, что безделье мне к лицу...
Вот целую руку подлецу...
Скачет фильм по рваному сюжету...
Жаль, что к несчастливому концу.
Проскрипела за окном береза,
на полу сместился синий блик...
В пустоте безмолвен горький крик
и шумят задушенные слезы...
Это, видно, сон меня настиг.

* *
*

Все тороплюсь, спешу, лечу я,
всегда я в беге нахожусь,
нехваткой времени врачую
во мне таящуюся грусть.

И все ж не вижу в этом смысла—
жить, время вечно теребя.
Куда бы я ни торопился,
я убегаю от себя.

Ищу я новые занятия,
гоню карьером свою жизнь,
хочу ее совсем загнать я...
Да от себя не убежишь!

ДЕТСКИЙ РИСУНОК

Речку знобит от холода,
вздулась гусиной кожей,
серым дождем исколота,
не может унять дрожи.

В лодке парочка мокнет,
может, у них рыбалка...
Свет зажигается в окнах,
этих промокших жалко.

Возникли на лике речки
от корабля морщины...
Дым из трубы свил колечки,
корабль проехал мимо.

Речка уставилась в небо,
небо упало в реку...
Хоть кто слово сказал мне бы,
чудику-человеку.

* *
*

Сумерки — такое время суток, —
краткая меж днем и ночью грань,
маленький, но емкий промежуток,
когда разум грустен, нежен, чуток
и приходит тьма, куда ни глянь.

Сумерки — такое время года, —
дождь долдонит, радость замерла,
и, как обнаженный нерв, природа
жаждет белоснежного прихода,
ждет, когда укроет все зима.

Сумерки — такое время века, —
неохота поднимать глаза...
Там эпоха тащится калекой,
человек боится человека
и, что было можно, все нельзя.

Сумерки — такое время жизни,
что заемным греешься огнем,
но добреешь к людям и Отчизне...
При сплошной вокруг дороговизне
сам ты дешевлеешь с каждым днем.

Сумерки — такое время суток,
между жизнью и кончиной грань,
маленький, но емкий промежуток,
когда взгляд размыт, печален, чуток
и приходит тьма, куда ни глянь.

* *
*

Как много дней, что выброшены зря,
дней, что погибли как-то между прочим
Их надо вычесть из календаря,
и жизнь становится еще короче.

Был занят бестолковой суетой,
день проскочил — я не увидел друга
и не пожал его руки живой..
Что ж! Этот день я должен сбросить с круга.

А если я за день не вспомнил мать,
не позвонил хоть раз сестре иль брату,
то в оправданье нечего сказать:
тот день пропал! Бесценная растрата!

Я поленился или же устал —
не посмотрел веселого спектакля,
стихов магических не почитал
и в чем-то обделил себя, не так ли?

А если я кому-то не помог,
не сочинил ни кадра и ни строчки,
то обокрал сегодняшний итог
и сделал жизнь еще на день короче.

Сложить — так страшно, сколько промотал
на сборищах, где ни тепло, ни жарко..
А главных слов любимой не сказал
и не купил цветов или подарка.

Как много дней, что выброшены зря,
дней, что погибли как-то между прочим.
Их надо вычесть из календаря
и мерить свою жизнь еще короче.

* *
*

Когда я просто на тебя смотрю,
то за тебя судьбу благодарю.

Когда твоя рука в моей руке,
то все плохое где-то вдалеке.

Когда щекой к твоей я прислонюсь,
то ничего на свете не боюсь.

Когда я глажу волосы твои,
то сердце замирает от любви.

Когда гляжу в счастливые глаза,
то на моих от нежности слеза.

Как то, что чувствую, пересказать?
Ты мне жена, сестра, подруга, мать.

Не существует безупречных слов,
что могут передать мою любовь.

И оттого, что рядом ты со мной,
я добрый, я хороший, я живой.

Стих этот старомоден, неказист
и слишком прост, но искренен и чист.

С улыбкой светлой на тебя смотрю,
и жизнь, что вместе мы, благодарю.

ПИСЬМО ПОСТАРЕВШЕМУ ДРУГУ

Ну, какая же это заслуга—
спрятать душу свою под замок
оттого, что ты сверзился с круга,
изнывать от тоски и досуга,
слушать, как надрывается вьюга,
упиваясь, что ты одинок.

Ну, какое же это подспорье,
что ты доступ друзьям перекрыл,
что ты пестуешь горюшко-горе,
проживаешь в обиде и вздоре?
Ты, как крест на глухом косогоре,
под которым себя схоронил.

Ну, какая же это отрада,—
не дождавшись финала парада,
разломаться, сойти, уступить?
Годы — горе, а мысли — отрава...
Но на то и мужская отвага,
чтоб с улыбкой навек уходить.

МОНОЛОГ «ХУДОЖНИКА»

Прожитая жизнь — сложенье чисел:
сумма дней, недель, мгновений, лет...
Я вдруг осознал — я живописец,
вечно создающий твой портрет.
Для импровизаций и художеств
мне не нужен, в общем, черновик.
Может, кто другой не сразу может,
я ж эскизы делать не привык.

Я малюю на живой модели,
притушил слезой бездонный взгляд.
Легкий штрих — глазищи потемнели,
потому что вытерпели ад.

Я прорисовал твои морщины,
в волосы добавил белизны...
Натуральный цвет люблю в картинах,
я противник басмы или хны.

Перекрасил — в горькую! — улыбку,
два мазка, — и ты нехороша.
Я без красок этого добился,
без кистей и без карандаша.

Ближких раним походя, без смысла
гасим в них глубинный теплый свет...
Сам собою как-то получился
этот твой теперешний портрет.

* *
*

Ты укрой меня снегом, зима, —
так о многом хочу позабыть я
и отринуть работу ума...
Умоляю тебя об укрытии.

Одолжи мне, зима, одолжи
чистоты и отдохновенья,
белоснежных снегов безо лжи...
Я прошу тебя об одолженьи.

Подари мне, зима, подари
дней беззвучных, что светят неярко,
полусон от зари до зари...
Мне не надо богаче подарка.

Поднеси мне, зима, поднеси
отрешенности и смиренья,
чтобы снес я, что трудно снести...
Я прошу у тебя подношенья.

Ты подай мне, зима, ты подай
тишину и печаль состраданья
к моим собственным прошлым годам...
Я прошу у тебя подаянья.

* *
*

Мчатся годы-непогоды
над моею головой...
Словно не была я сроду
кучерявой, молодой.

Едут дроги-недотроги,
от тебя увозят вдаль,
а покрытие у дороги—
горе, слезы и печаль.

Эти губы-душегубы
невозможно позабыть.
Посоветуйте мне, люди,
что мне делать? Как мне быть?

Словно пушки на опушке
учиняют мне расстрел...
Мокрая от слез подушка,
сиротливая постель.

Мои руки от разлуки
упадают, точно плеть.
От проклятой этой муки
можно запросто сгореть.

Мчатся годы-непогоды
над моею головой,
словно не была я сроду
кучерявой, молодой.

* *
*

Я все еще, как прежде, жил, живу,
а наступило время отступленья.
Чтобы всю жизнь держаться на плаву..
у каждого свои приспособленья.

Я никогда не клянчил, не просил,
Карьерной не обременен заботой.
Я просто сочинял по мере сил
и делал это с сердцем и охотой.

Но невозможно без конца черпать—
колодец не бездонным оказался.
А я привык — давать, давать, давать!..
И, очевидно, вдрызг поиздержался.

Проснусь под утро... Долго не засну..
О, как сдавать позиции обидно!
Но то, что потихоньку я тону,
покамест никому еще не видно.

Богатства я за годы не скопил,
хотя вся жизнь ухлопана на службу.
В дорогу ничего я не купил..
Да в этот путь и ничего не нужно.

* *
*

Я умом могу понять все доводы..
Не держи меня, дай я уйду.
Песенка рождается без повода
и не может жить на поводу.

То, что я любил когда-то смолоду,
нынче за версту я обойду.
Песенка рождается без повода,
и поводья рвутся на ходу.

Зряшной жизни я хочу попробовать,
с пустяками быть накоротке.
Песенка рождается без повода,
песня не живет на поводке.

* *
- *

Все беспричинно. Чей-то взгляд. Весна.
И жизнь легка. Не давит ее ноша.
И на душе такая тишина,
что, кажется, от счастья задохнешься.

Все беспричинно. Чей-то взгляд. Зима.
И жизнь бежит. И неподъемна ноша.
И на душе такая кутерьма,
что, кажется, от горя задохнешься.

То ночь жарка, а то морозен день...
Вся жизнь в полоску, словно шкура тигра.
А на душе такая дребедень...
Да, жаль, к концу подходят эти игры...

* *
* *

В трамвай, что несется в бессмертье,
попасть нереально, поверьте.
Меж гениями — толкотня,
и места там нет для меня.

В трамвае, идущем в известность,
ругаются тоже и тесно.
Нацелился, было, вскочить...
Да, черт с ним, решил пропустить.

А этот трамвай — до Ордынки...
Я впрыгну в него по старинке,
повисну опять на подножке
и в юность вернусь на немножко.

Под лязганье стрелок трамвайных
я вспомню подружек случайных,
забытые дружбы и лица...
И с этим ничто не сравнится!

Осень начи́ается в горах,
а затем сползает вниз, в долины...
В нижний лес прокрался желтый страх,
белый снег покрасил все вершины.
Старость начи́ается в ногах,
даже в зной, укутанные, мерзнут...
И ползет наверх холодный страх
предисловием событий грозных.

АПРЕЛЬ

По грязи чавкают шаги,
шуршат о твердый наст подошвы,
в ручьях я мою сапоги...
Земля в лесу, как крик о прошлом.

Тут прошлогодних желтых трав
торчат поломанные стебли,
разбросан бурых листьев прах
и умирает снег последний.

Трухлявые сучки везде,
на лужах ржавые иголки...
И отражаются в воде
немые, сумрачные елки.

Жизнь представляется порой
какой-то конченной, далекой...
Но под березовой корой
пульсируют живые соки.

Согрет дыханием земным,
лес оживет без проволоочки...
Как с механизмом часовым
дрожат на ветках бомбы-почки.

Где рядом почерневший снег,
продрались трав зеленых нити.
Лес замер, словно человек
перед свершением событий.

Не слышно натяженья струн.
Лес полон скрытого азарта,
как победительный бегун,
что сжат пружиныю перед стартом.

Здесь бескорыстен птичий смех,
здесь все в преддверии полета...
Вдруг о себе напомнил век
далеким гулом самолета.

Я выпустил из рук тоску
в весенний ветер непослушный...
А по последнему ледку
скакали первые лягушки.

* *
*

Ветер закружился над деревней,
хищный ветер из холодной мглы...
Завздыхали бедные деревья,
закачались голые стволы.

Сокрушенно наклонялись елки—
шум верхушек, шелест, шорох, стон...
Словно где-то ехал поезд долгий
под какой-то затяжной уклон.

Слезы с веток сыпались на крышу,
сучья глухо падали в траву.
Этот безутешный шепот слышу,
с чувством сострадания живу.

* *
*

У памяти моей дурное свойство,—
любая пакость будет долго тлеть.
Хочу прогнать болезненное беспокойство,
но не могу себя преодолеть.

Как в безразмерной камере хранения,
в сознании — чемоданы и мешки,
в которых накопились оскорбления,
обиды, униженья и щелчки.

Не в силах изменить свою природу,
я поименно помню всех врагов.
Обиды-шрамы ноют в непогоду...
К прощенью я, простите, не готов.

В самом себе копаюсь я капризно,
на свалке памяти я черт-те что храню...
Обидчиков повычеркав из жизни,
я их в воображеньи хороню.

Быть может, признавать все это стыдно,
и я раскрыл свой неприглядный вид.
Но что же делать, если мне — обидно!..
Мое сознание — летопись обид!

У памяти моей дурное свойство, —
я помню то, что лучше позабыть.
Хочу прогнать больное беспокойство,
но не могу себя переломить.

* *
*

Что жизнь? Музыкальная пьеса:
соната ли, фуга, иль месса,
сюита, ноктюрн или скерцо...
Там ритмы диктуются сердцем.
Пиликает, тренькает, шпарит,
бренчит иль бывает в ударе,
играется без остановки...
Меняются лишь оркестровки.
Ребячьи годы прелестны,
хрустальны, как отзвук челюсты...
Потом мы становимся старше,
ведут нас военные марши,
пьяняще стучат барабаны,
зовущие в странные страны.
Но вот увенчали нас лавры —
грохочут тарелки, литавры,
а как зажигательны скрипки
от нежной, зазывной улыбки...
Кончается общее «тутти»,
не будьте столь строги, не будьте:
мелодию — дивное диво —
дудим мы порою фальшиво.

Проносится музыка скоро
под взмахи судьбы-дирижера.
Слабеют со временем уши,
напевы все глуше,
оркестры играют все тише...
Жаль, реквием я не услы...

* *
*

Любовь готова все прощать,
когда она — любовь,
умеет беспредельно ждать,
когда она — любовь,
любовь не может грешной быть,
когда она — любовь,
ее немыслимо забыть,
когда она — любовь,
она способна жизнь отдать,
когда она — любовь,
она — спасенье, благодать,
когда она — любовь,
полна безмерной доброты,
когда она — любовь,
она естественна, как ты,
когда она — любовь.

* *
*

Исступленно кланялись березы,
парусил всей кроной ржавый дуб,
мужичонка, поутру тверезый,
разбирал трухлявый черный сруб.

Три дымка курилось над селеньем.
Ветер покрутился и утих...
Вдруг явилось сладкое виденье —
возле клуба крытый грузовик.

Надпись на борту «Прием посуды»
за литровку написал маляр...
Вот пошли из всех калиток люди,
мужики и бабы, млад и стар.

В валенках, в берете на затылке
и по две авоськи на руке—
пер старик порожные бутылки
к благодетелям в грузовике.

Шел верзила с детской коляской,
бережно толкал перед собой;
не дитя,—а темные стекляшки
голосили в ней наперебой.

Паренек в замызганной ушанке
явно не по детской голове,
как бурлак, волок посуду в санках
по осенней грязи и ботве.

Ерзали и звякали бутылки
У старухи в рваной простыне...
Где-то петухи заголосили,
вороны сидели на стерне.

Тишина надмирная повсюду...
Иней под подошвами шуршал:
населенье шло сдавать посуду
истово, солидно, не спеша.

Очередь безмолвная стояла...
Все вращалась хмурая земля.
А пустая, испитая тара
возвращалась «на круги своя».

* *
*

Господи, ни охнуть, ни вздохнуть,—
дни летят в метельной круговерти.
Жизнь — тропинка от рожденья к смерти,
смутный, скрытый, кривоватый путь.
Господи, ни охнуть, ни вздохнуть!

Снег. И мы беседуем вдвоем,
как нам одолеть большую зиму...
Одолеть ее необходимо,
чтобы вновь весной услышать гром.
Господи, спасибо, что живем!

Мы выходим вместе в снегопад.
И четыре отгиска за нами,
отпечатанные башмаками,
неотвязно следуя, следят...
Господи, как я метели рад!

Где же мои первые следы?
Занесло начальную дорогу,
заметет остаток понемногу
милостью отзывчивой судьбы.
Господи, спасибо за подмогу!

* *
*

Я желал бы свергнуть злое иго
суеты, общенья, встреч и прочего.
Я коплю, как скряга и сквалыга,
редкие мгновенья одиночества.

Боже, сколько в разговорах вздора:
ни подумать, ни сосредоточиться.
Остается лишь одна опора—
редкие мгновенья одиночества.

Меня грабят все, кому в охоту,
мои дни по ветру раскурочены...
Я мечтаю лечь на дно окопа
в редкие мгновенья одиночества.

Непонятно, где найти спасенье?
Кто бы знал, как тишины мне хочется!
Удалось сложить стихотворенье
в редкие мгновенья одиночества.

* *
*

Так что же такое лицо человека?
Портрет, на котором отметины века,
зарубки судьбы и следы проживания,
что требует стойкости, сил и страданья...

Где глаз синева, чуб курчавый и статность?
Куда-то растаяло все без остатка.
Возьмем этих щек худосочную бледность—
ее рисовала извечная бедность,
а эта угрюмая, резкая складка
у губ залегла, когда стало несладко,
когда он отца проводил до погоста...
Быть юным, но старшим непросто, непросто.
Потом на работах сгибался он часто
от окриков хамов, что вышли в начальство,
все горбился, горбился и стал согбенным...
А эта морщина возникла мгновенно—
прорезалась сразу от женской измены...
Предательство друга, поклепы, наветы,—
он чуть в лагеря не поехал за это...
Прокралась безвременно прядь седины!
А дальше пешком по дорогам войны,
где горюшка он до краев нахлебался.
Но все ж повезло, и в живых он остался.
С тех бед на лице его сетка морщин—
для этого множество было причин.
Вернулся в поселок хромым инвалидом,
по тем временам женихом был завидным:
рождение ребенка и смерть молодухи,
резон, чтобы влить в себя ведра сивухи...
И все не кончалась пора голодухи.
По ложным призывам в трудах бесполезных
мелькали одна за другою години,
подкрались, как свойственно летам, болезни,
и шли в наступленье седины, седины.
Есть пенсия, дочка, внучок, огородик
и сад, где он всякую зелень разводит.
Ее он разносит по дачам клиентов—
торговцев, начальников, интеллигентов...
Работы, заботы, болезни, утраты,
за то, чтобы жить — непомерная плата.
Кончается жизнь, и в преддверии гроба
не ведает чувства такого, как злоба.
Все стерпит, снесет, донесет до конца...
Я в жизни не видел прекрасней лица
со скромной, великой, простой красотой,
смирением, кротостью и добротой.

* *
*

Какие звонкие ребята
пришли в конце пятидесятых,—
худы, крикливы, небогаты,
со свежим чувством, с тонкой кожей,
со словом новым, непохожим;
глаза дерзки, упрямы мышцы,
певцы, актеры, живописцы,
творцы кино и музыканты,
поэты и комедианты...
Какие звонкие таланты!

Теперь, в конце восьмидесятых,
в почете прежние ребята,
богаты и лауреаты,
и телом и душой пузаты,—
пропал их праведный запал...
Теперь, в годах восьмидесятых,
оборотились в доставал.
Какая жалкая расплата!

* *
*

*В одном маленьком городе Финляндии
я стоял на углу улиц Паасикиви и Маннер-
гейма...*

Довелось мне поездить по белому свету...
Раз в соборе стоял у могильных оград.
За одной упокоилась Елизавета,
а в соседней могиле — Мария Стюарт.
Королевы при жизни своей враждовали,
и одна у другой ее жизнь отняла...
А потом они рядом, как сестры, лежали,
и история Англии дальше текла.
Тут родное я вспомнил, и стало мне жарко,
я такое представил, что мысли волчком:
на углу Павла Первого и Пастернака
будто занял я очередь за молоком.
Въехал против движенья на площадь Хрущева
по бульвару Высоцкого я, например.

И в районном ГАИ Александра Второго
меня долго мурыжил милиционер.
Никогда не страдал я тоской по царизму,
не эсер, не кадет я и не монархист...
Все, что в прошлом случилось когда-то в Отчизне,—
не для правок, дописок и вымарок лист.
Мы хромые, кривые, глухие, косые,
мы послушные дети любых перемен.
Почему же истории нет у России?
Почему у нас только текущий момент?

* *
*

Скажи мне, «кто твой друг, и я скажу — кто ты!»—
знакома поговорка эта с детства.
Полно в ней чистоты и простоты—
иных веков наивное наследство.

Скажи мне, кто твой враг, и я — кто ты? — скажу.
Вражда врага надежней дружбы друга.
Бесценной ненавистью вражьей дорожу.
Ведь в этом силы собственной порука.

* *
*

В старинном парке корпуса больницы,
кирпичные простые корпуса...
Как жаль, что не учился я молиться,
и горько, что не верю в чудеса.

А за окном моей палаты осень,
листве почившей скоро быть в снегу.
Я весь в разброде, не сосредоточен,
принять несправедливость не могу.

Что мне теперь до участи народа,
куда пойдет и чем закончит век?
Как умирает праведно природа,
как худо умирает человек.

Мне здесь дано уйти и раствориться...
Прощайте, запахи и голоса,
цвета и звуки, дорогие лица,
кирпичные простые корпуса.

* *
*

Как много песен о любви к Отчизне!
Певцы со всех экранов и эстрад,
что, мол, для Родины не пожалеют жизни,
через динамики на всю страну кричат.

А я б о том, что глубоко интимно,
не декламировал, не пел бы, не орал.
Когда о сокровенном пишут гимны,
похоже, наживают капитал.

Земля не фразы требует, а плуга.
Как ей осточертели трепачи!
Вот мы с землей посмотрим друг на друга
и о любви взаимной помолчим!

ПЕСНЯ ИЗ КИНОФИЛЬМА «ВОКЗАЛ ДЛЯ ДВОИХ»

Живем мы что-то без азарта,
однообразно, как в строю.
Не бойтесь бросить все на карту
и жизнь переменить свою.

Какими были мы на старте!
Теперь не то, исчезла прыть...
Играйте на рискованной карте,
не бойтесь жизнь переломить!

Пусть в голове мелькает проседь —
не поздно выбрать новый путь.
Не бойтесь все на карту бросить
и прожитое — зачеркнуть!

Из дома выйдя в непогоду,
взбодрите дух, прищпорьте плоть.
Не бойтесь тасовать колоду,
пытайтесь жизнь перебороть!

В мираж и дым, в химеры — верьте!
Пожитки незачем тащить...
Ведь не уехать дальше смерти —
стремитесь жизнь перекроить.

Печалиться не надо вовсе,
когда вам нечем карту крыть...
Вы на кон бросить жизнь — не бойтесь.
Не проиграв, не победить!

РОМАНС ЛАРИСЫ ИЗ КИНОФИЛЬМА «ЖЕСТОКИЙ РОМАНС»

Я, словно бабочка к огню,
стремилась так неодолимо
в любовь — волшебную страну,
где назовут меня любимой,
где бесподобен день любой,
где б не страшилась я ненастья.
Прекрасная страна — любовь.
Ведь только в ней бывает счастье...

...Пришли иные времена,—
тебя то нет, то лжешь, не морщась.
Я поняла, любовь — страна,
где каждый человек — притворщик.

Моя беда, а не вина,
что я наивности образчик.
Любовь — обманная страна,
и каждый житель в ней — обманщик.

Зачем я плачу пред тобой
и улыбаюсь так некстати...
Неверная страна — любовь.
Там каждый человек — предатель.

Но снова прорастет трава
сквозь все преграды и напасти.
Любовь — весенняя страна,
и только в ней бывает счастье.

МАРШ БЮРОКРАТОВ ИЗ ФИЛЬМА «ЗАБЫТАЯ МЕЛОДИЯ ДЛЯ ФЛЕЙТЫ»

Мы не пашем, не сеем, не строим,—
мы гордимся общественным строем.
Мы бумажные, важные люди,
мы и были, и есть мы, и будем.

Чтобы сдвинулась с места бумага,
тут и гибкость нужна и отвага,—
на любом посту с верху до низу
надо подпись поставить иль визу.

Мы в отказах своих непреклонны
до высоких звонков телефонных,—
тут мы сразу меняем решение:
разрешаем, но как исключенье.

Наша служба трудна изначально:
надо знать, о чем мыслит начальник,
угадать, согласиться, не спорить,
чтоб карьеры своей не испортить.

Мы бумажные, важные люди,
мы и были, и есть мы, и будем...

ПЕСНЯ ИЗ КИНОФИЛЬМА «СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН»

У природы нет плохой погоды!
Каждая погода — благодать.
Дождь ли, снег... Любое время года
надо благодарно принимать.

Отзвуки душевной непогоды,
в сердце одиночества печать
и бессонниц горестные всходы
надо благодарно принимать.

Смерть желаний, годы и невзгоды,—
с каждым днем все непосильней кладь.
Что тебе назначено природой,
надо благодарно принимать.

Смену лет, закаты и восходы,
и любви последней благодать,
как и дату своего ухода,
надо благодарно принимать.

У природы нет плохой погоды,
ход времен нельзя остановить.
Осень жизни, как и осень года,
надо, не скорбя, благословить.

СОДЕРЖАНИЕ

«В мои годы сердечная лирика?...»	3
«Я в мир вбежал легко и без тревоги...»	3
«Лесная речка вьется средь деревьев...»	4
«Как хорошо порою заболеть...»	4
«Я не то чтобы тоскую...»	5
«Меж датами рожденья и кончины...»	5
«На пристани начертано...»	6
Ветер	7
«Как будто вытекла вся кровь...»	8
«Как тебе я, милый, рад...»	9
«На могучей реке, полновластной...»	9
Бессонница	10
«Все тороплюсь, спешу, лечу я...»	11
Детский рисунок	11
«Сумерки — такое время суток...»	12
«Как много дней, что выброшены зря...»	12
«Когда я просто на тебя смотрю...»	13
Письмо постаревшему другу	14
Монолог художника	15
«Ты укрой меня снегом, зима...»	15
«Мчатся годы-непогоды...»	16
«Я все еще, как прежде жил, живу...»	17
«Я умом могу понять все доводы...»	17
«Все беспричинно. Чей-то взгляд. Весна...»	18
«В трамвай, что несется в бессмертье...»	18
«Осень начинается в горах...»	19
Апрель	19
«Ветер закружился над деревней...»	20
«У памяти моей дурное свойство...»	20
«Что жизнь? Музыкальная пьеса...»	21
«Любовь готова все прощать...»	22
«Исступленно кланялись березы...»	22
«Господи, ни охнуть, ни вздохнуть...»	23
«Я желал бы свергнуть злое иго...»	24
«Так что же такое лицо человека...»	24
«Какие звонкие ребята...»	26
«Довелось мне поездить по белому свету...»	26
«Скажи мне, «кто твой друг, и я скажу — кто ты!»	27
«В старинном парке корпуса больницы...»	27

«Как много песен о любви к Отчизне!»	28
Песня из кинофильма «Вокзал для двоих»	28
Романс Ларисы из кинофильма «Жестокий романс»	29
Марш бюрократов из фильма «Забывшая мелодия для флейты»	29
Песня из кинофильма «Служебный роман»	30

Эльдар Александрович РЯЗАНОВ

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

Стихи

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 5.04.88. Подписано к печати 31.05.88. Формат 70 × 108¹/₃₂.
 Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
 Усл. кр.-отт. 1,58. Учетно-изд. л. 1,53. Тираж 150000 экз. Заказ № 2297.
 Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
 на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.